

В январе 2021 года Наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед ибн Салман объявил о начале реализации проекта города-линии The Line. Даже для фантастических амбиций саудитов этот проект выглядит удивительно – город, вытянутый в прямую линию на 170 километров по песчаной пустыне от берега Красного моря до столицы горной провинции Табук. Город будет трехэтажным – пешеходная зона на поверхности, подземный этаж для обслуживающей инфраструктуры и еще этажом ниже – магистраль высокоскоростного транспорта.

Есть что-то ироничное в том, что идеи линейного города, которые активно разрабатывались в СССР, находят масштабное воплощение в стране с абсолютной монархией.

Почему идеи линейного города оживают в нашем сегодняшнем мире? Как эти идеи трансформируются под влиянием цифровых технологий? Как меняется само понятие линейности по мере того, как ткань города становится все более виртуальной, и дороги замещаются каналами 5G?

Как обычно, мы не претендуем на полный набор ответов на эти вопросы переднего края урбанистической теории и философии города. Да и только ли города? Гигантские проекты возрождения Великого Шелкового пути, концепция «Восточного поворота» и Большой Евразии развивают образ линейного континента, не города, а гигантского комплекса из множества городов во множестве стран. Группа архитекторов из африканских стран южнее Сахары инициирует конкурс «Великая зеленая стена» – мощная полоса зеленых оазисов должна перекрыть жаркое дыхание пустыни и смягчить климат всей экваториальной Африки.

Линейность сегодня выглядит как глобальный вызов и, одновременно, категорическое условие развития на самых разных уровнях – на уровне квартала, города, региона, континента, человечества.

Елена Григорьева

In January 2021, Saudi Crown Prince Mohammed bin Salman Al Saud launched The Line city project. Even for the Saudis' fantastical ambitions, the project looks amazing: a city stretched along a straight line for 170 kilometers across the sandy desert from the Red Sea coast to the capital of the mountainous Tabuk province. The city will have three floors: a pedestrian zone on the surface, service infrastructure on the underground floor, and on the floor below there will be high-speed railways.

It seems ironic that the ideas of a linear city, which were actively developed in the USSR, find large-scale implementation in a country with an absolute monarchy.

Why do the ideas of a linear city come to life in our present-day world? How are these ideas transformed by digital technologies? How is the very notion of linearity changing as the fabric of the city becomes increasingly virtual and roads are replaced by 5G channels?

As usual, we do not claim to have a comprehensive set of answers to these questions related to the cutting edge of urban theory and philosophy of the city. But is it just the city? Giant projects of the revival of the Great Silk Road, the concept of the Eastern pivot and Greater Eurasia form the image of a linear continent – not a city, but a giant complex of many cities in a number of countries. A group of architects from sub-Saharan Africa is initiating the Great Green Wall competition: a great band of green oases is to block the hot breath of the desert and mitigate the climate of the entire equatorial Africa.

Today linearity looks like a global challenge and at the same time a strict condition for development on the most diverse levels: neighbourhood, city, region, continent, and humanity.

Elena Grigoryeva
editor-in-chief